

УДК 130.2 : 165.74 (430) "19"

Е. Н. Шатова

**Томас Манн: немецкая демократия и гуманизм
в ракурсе философии культуры**

В статье рассматриваются взгляды Т. Манна на проблему немецкой демократии (природа демократии, взаимосвязь демократических идей и гуманистических ценностей) в контексте философии культуры. Важнейшей характеристикой взглядов писателя является сочетание философско-гуманистических и социально-политических трактовок демократии. С этой точки зрения в статье анализируются философские идеи, содержащиеся в переписке Т. Манна.

The author examines the T. Mann's views on the problem of German democracy (the nature of democracy, the relationship of democratic ideas and humanistic values) in the context of the philosophy of culture. The most important characteristic of the writer's position is the combination of philosophical, humanistic and socio-political interpretations of democracy. From this point of view, the article analyzes the philosophical ideas contained in the correspondence of T. Mann.

Ключевые слова: Томас Манн, гуманизм, демократия, философия культуры, «О немецкой республике», Новалис.

Key words: Thomas Mann, philosophical anthropology, democracy, humanity, "On the German Republic", Novalis.

Высказывания Т. Манна о демократии, её природе и отношении к гуманистическим ценностям были сформулированы еще до Первой мировой войны. В его суждениях оценка данным социальным реалиям выносилась с позиций их соответствия нравственным идеалам, высказывания часто получали форму философских размышлений. Примером служит оценка категории «свобода». В письме к Генриху Манну (27 февраля 1904 г.) Манн писал:

«Пока я мало что понимаю в “свободе”. Она для меня понятие исключительно морально-духовное, равнозначное “честности”. (Некоторые критики называют это у меня холодностью сердца.) Но к политической свободе у меня нет ни малейшего интереса... Что такое вообще “свобода”? Хотя бы потому, что из-за этого понятия пролито столько крови, в нем есть для меня что-то прямо-таки средневековое... но я, пожалуй, ничего в этом не смыслю» [3, с. 72].

В первое десятилетие XX в. Манн осмысливал демократию не столько как тенденцию современной политической жизни, сколько в плане применения этого понятия в области литературы, рассматривал демократические процессы как одну из тенденций эволюции художественного творчества. В письме к Курту Мартенсу (11 января 1910 г.) отмечено: «...Демократическое движение в Германии, которое, конечно, представляет собой только одно из многих движений, ... может и в самом деле иметь большую и в литературном плане будущность» [4, с. 129].

На протяжении всего дореспубликанского периода истории Германии Манн смотрел на явление демократии как писатель, для которого главным оставалось этическое начало немецкой духовной культуры. В статье «Мир во всем мире?» (1917) автор воскресил суждение Филиппа Генриха Шейдемана о том, «что демократия резко продвинется вперед благодаря всеобщему истощению». Развивая эту мысль, он написал следующее:

«Это не делает большой чести демократии – и человечеству тоже. Ибо нравственность вследствие истощения не так уже нравственна, ... можно усомниться в том, ... что народовластие означает власть разума или вовсе духа, что оно означает надежный мир» [1, с. 161].

В рассмотрении любого социального, политического явления в центре внимания писателя была проблема человека. В упомянутой статье Манн пришел к вполне ожидаемому выводу:

«...Проблема человека вообще может быть решена не политическим, а только психологически-нравственным способом: с помощью религии, христианского самоусовершенствования индивидуума, ... с помощью искусства, "эстетического воспитания" индивидуума» [1, с. 161].

Мыслитель отсчитывал современную немецкую демократию с 1914 г. Эта дата зафиксирована в письмах, она – иллюстрация убежденности писателя в том, что на развитие современной Германии большое влияние оказала Первая мировая война. Именно война резко повернула Германию в сторону демократии. Война началась в 1914 г., следовательно, и рождение немецкой демократии необходимо привязывать к этой дате. В письме к Иде Бой-Эд, (5 декабрь 1922 г.) присутствуют строки: «Я отнес начало республики не к 1918 г., а к 1914 г. Тогда, ... в час чести и беззаветной готовности броситься в бой, возникла она в сердцах молодежи» [5, с. 32]. Данное видение хронологии немецкой республики важно, так как иллюстрирует сохранение во взглядах Манна повышенного внимания к духовно-аксиологической стороне рассматриваемых процессов. В более поздних высказываниях

и записях писатель более не поднимал этого вопроса, он не пересматривал этой даты, продолжая утверждать: развитие современной демократии в Германии – прямое следствие мирового военного конфликта начала XX столетия.

Основной интерес Т. Манна в социально-политическом плане был прикован к вопросам функционирования немецкой демократии. Долгое время социальные реалии оценивались Манном через призму соотношения «культуры» и «цивилизации». В этом контексте определял писатель и понятие демократии. Напомним его склонность называть Германию страной «культуры», противостоящей натиску сил «цивилизации». Рассуждения писателя выстраивались в следующую логическую конструкцию: если демократия является атрибутом «цивилизации», то она несоизмерима с немецкой национальной духовностью, так как Германия – страна «культуры». А, следовательно, желание культивировать основы демократической системы – это насаждение в Германии того, что ей чуждо, ущемление национальных традиций:

«... эта война означает по существу новую, возможно, грандиознейшую и ... последнюю вспышку изначальной немецкой борьбы против западного духа, равно как и борьбы римского мира со своенравной Германией» [2, с. 64].

С течением времени сосредоточенность мыслителя на проблеме соотношения «культуры» и «цивилизации» ослабевает, он начинает смотреть на разворачивающиеся на его глазах процессы и явления, конкретизируя их содержание. Это приводит к появлению новых оценок демократии. Поворот в мировоззрении писателя иллюстрируют страницы его многочисленных писем и выступлений. Наиболее целостно концепция демократии, сложившаяся в мировоззрении Манна в начале 1920-х гг., была представлена в выступлении перед немецким студенчеством – речи «О немецкой республике» (1923).

В выступлении Манн говорил о немецкой республике убедительно и уверенно. Он уже не думал о том, приемлема демократия для современной Германии или нет. Республика в Германии – это не просто свершившийся факт, с которым надо смириться, она – весьма перспективный путь развития немецкой государственности, немецкого общества.

«Республика – это судьба, а стало быть, единственно правильное поведение», «у нас есть она», «государство было в наших руках, в руках каждого по отдельности, оно стало нашим делом, которое мы сделали слишком хорошо, и это не что иное, как республика», «Она – одно из возвышенных проявлений чести. Она ... – творение часа...», – вот ряд характерных реплик, свидетельствующих о подобной убежденности писателя [6, с. 501, 503].

Манн не ограничивал цели своего выступления желанием содействовать делу признания немецкой молодежью Веймарской республики, он представлял демократическую республику как один из возможных вариантов, далеко не самый худший, современного развития Германии, не порывающего с национальными традициями.

В речи Манн подошел к оценке вопроса идейных истоков немецкой демократии. Он «нашел пару» демократии, выдвинув тезис о родстве двух явлений – «демократии» и «гуманизма». «Демократия», считает писатель, не является чем-то «совершенно новым», у «демократии» есть «классическое, несколько старомодное имя» – «гуманизм» [6, с. 511]. Мыслитель верил в невозможность расторжения понятий «демократия» и «гуманизм», об этом свидетельствуют и его письма. Переписка с И. Бой-Эд, хронологически соотносимая с речью, содержит следующие строки: «Вы видите мой путь, раз Вы говорите об отождествлении понятий гуманность и демократия» [5, с. 32].

Автор речи неоднократно подчеркивал, что в прошлом Германии, в ее «былых временах», можно обнаружить отголоски демократических настроений. В его рассуждениях присутствует следующая логика: если развитие немецкой республики движется в сторону упрочения ее позиций, то демократическая власть находит соответствующую опору в области немецких традиций; в противном случае путь немецкой республики был бы более тернистым. Манн вспомнил суждение Новалиса о «двух жизненных силах», участвующих в развитии общества, государства, нации, и внес в него существенные, отражающие его собственное видение современных проблем, уточнения.

Первая сила – «благоволение к древности, приверженность к историческому повелению, любовь к традициям предков, старым формам государства, и радость покорности», вторая сила – «восхитительное чувство свободы, желание нового и молодого» [6, с. 510]. Эти силы существуют параллельно, они часто даже противостоят друг другу. Новалис полагал, что необходимо обращаться к «третьей силе», нейтрализующей подобные противоречия. В роли этой третьей силы у Новалиса выступала «католицизированная иерархическая мысль», идея церкви. Манн разделял мнение Новалиса о том, что и традиции, и стремление к новому влияют на развитие общества. Не отрицал писатель и возможности возникновения противоречий между силой традиции и стремлением к новому, и необходимости разрешения данных противоречий. Но «связующее звено» он искал за рамками католического, мистифицированного мироощущения: «...Мы не знаем о другом – “третьем”, которое тоже

“мировое и неземное”, ...может быть, это был элемент гуманности?...» [6, с. 510]. Именно «гуманизм», возможно употребить его другое имя – «демократия», является, считает писатель, желаемой, нейтрализующей социальные противоречия, силой.

Существенно и рассуждение Манна, которое созвучно с тезисом Новалиса о необходимости трепетного отношения к национальным традициям. Писатель подтверждал важность сохранения традиций национального мироощущения, но в то же время он не склонен был отождествлять подобную «бережливость» с отсутствием творческого переосмысления содержания той или иной традиции, что диктовалось требованиями современности. Так, например, в деле становления республики Манн видел прямую необходимость избирательного отношения к традициям немецкого общества. Писатель прибег к образному сравнению немецкой республики с «пергаментом», на который вовсе не обязательно переносить весь прошлый опыт, как «идеальный и подходящий закон...» [6, с. 505]. По мнению мыслителя, немецкая демократия не сможет опираться на «укорененные в мыслях человека ... понятия феодализма и церковности» [6, с. 512]. Вряд ли демократия сможет найти для себя надежную опору и в немецкой философской мысли, которая никогда не была подчеркнута политизирована. Еще в 1918 г., в письме к Фрицу Эндерсу (19 июня 1918 г.) было отмечено: «Господство в мире немецкой мысли определено не означало господства в политике. Эта мысль – не политическая...» [7, с. 143].

Очевидно, рассуждения писателя об идейных истоках немецкой демократии, о родстве демократических идей современной ему Германии и немецких национальных традиций не приняли форму скрупулезного анализа социальных реалий. В высказываниях Т. Манна мы не обнаружим детального анализа идейного облика Веймарской республики, оценки на предмет его соответствия немецким национальным традициям. Манн не конкретизирует, что он понимает под немецкими национальными традициями.

Тезис о том, что демократия не чужда Германии, так как опирается на национальные традиции и идейно родственна гуманизму, стал в выступлении, скорее, убеждением, поднятым оратором на уровень аксиомы. «Республика – как будто бы она – это уже не Германия. Демократия – как будто бы – это уже не родина... Немецкая демократия – ... это словосочетание ... внутренне едино, подобным может быть еще и другое: “Немецкий народ”», – вот одно из ярких суждений Манна [6, с. 504–505].

Важным аспектом проблемы демократии выступает вопрос ее социальной базы, Манн обращался к его характеристике неоднократно. Первые ответы на этот вопрос писатель сформулировал в начале 1920-х гг., представив молодежь той частью общества, «в сердцах» которой была рождена немецкая республика [5, с. 32]. В речи «О немецкой республике» в это свое утверждение он внес существенные уточнения.

Писатель обратился к собравшимся с тезисом: «Где есть молодые люди, там есть республика» [6, с. 499]. Именно это утверждение стало для Манна отправной точкой изложения собственного видения данного вопроса. Он не опровергал мнения Новалиса, но в то же время не склонен был утверждать абсолютную его истинность. Примеряя мнение философа к условиям современной немецкой демократии, Манн отметил возможность обнаружения в молодежных кругах не только сторонников, но противников демократизации общества: в стране трудно не заметить «некоторую достаточно жизненностойкую часть молодежи», которая «организует заговор против республики» [6, с. 499–500]. Манн жил в Мюнхене, городе, который стал фактически колыбелью национал-социализма. Деятельность молодежи, настроенной против республики, Манн называет «игрой мальчишек», которая копирует тайком проводимое военное восстановление Пруссии, наблюдавшееся после Йены и Тильзита. Интересно, что такие рассуждения оратора вызвали у части аудитории «определенные шумы» неодобрения, из чего Манн сделал вывод о присутствии среди собравшихся противников республиканского развития Германии [6, с. 497].

Постепенно вопрос о социальной базе немецкой демократии Манн стал рассматривать в иной плоскости: «Разве, правда то, что жажда свободы, любовь к изменению, великодушный революционный натиск всегда были преимуществом молодежи...?» [6, с. 499]. Кого можно представить в роли сторонников и противников Веймарской демократии, если не брать во внимание немецкую молодежь?

Многих своих современников писатель объединил в так называемый «лагерь сомневающих» в демократическом будущем страны. Детальной характеристики этого лагеря он не представил. Но ограничился утверждением: состав этого лагеря подвержен изменениям. От взора Манна не ускользнуло пополнение категории «сомневающих» в демократии за счет некогда уверенных в перспективности демократического развития Германии:

«Некоторые из тех, кто кричал или воспринимал крики о ней (республике – Е. III.), уже усомнились в том, является ли она нашей судьбой, доросли ли мы до нее. Достаточно ли мы проверены для нее» [6, с. 502].

Можно ли переход человека из разряда сторонников демократии в лагерь «сомневающих» оценить однозначно? Возможно этот переход объясняется тем, что человек ранее примкнул к сторонникам демократических преобразований несознательно. А если это так, то подобный переход, наоборот, надо приветствовать, ибо он позволяет реально оценить силы немецкой демократии.

Манн не ставил перед собой данных вопросов. Люди уходят от демократии, пополняют ряды «сомневающих». Это движение было замечено писателем, но анализировать причины пересмотра человеком его политических, мировоззренческих позиций он не стал. Писатель далек от осуждения «сомневающих», он стремился пробудить в людях желание содействовать делу упрочения демократии: «Если сегодня она считается позором (что я не отрицаю), то было бы трусостью оставить ее под ударами нападок, вместо того, чтобы прикрыть ее рукой, вместо того, чтобы помочь ей» [6, с. 504].

В своем выступлении Манн уделил внимание характеристике оппозиции демократии. Выразители подобной идейной позиции:

«... в глубине души не хотят ничего знать о нем (демократическом государстве – Е. Ш.), при всякой возможности они отрицают его, и, главным образом, по причине того, что это государство возникло не на пути победы, свободомыслия, национального возвышения, а в результате падения, резкого ослабления, оно тесно связано с бессилием, чужеродностью и позором. “Мы – не республика”, – говорят мне отвернувшиеся патриоты». «Республика – это чужеродное тело, поскольку ... слабость – не что иное, как подавляющая, управляющая и типично чуждая сила», – так характеризовал Манн идейные позиции оппонентов демократии [6, с. 503].

Оппозиционное отношение граждан к демократии объяснялось Манном очень узко – люди не хотят воспринимать республику потому, что она выросла в момент позора Германии, в момент бесславного для страны окончания Первой мировой войны.

Помимо лагеря «сомневающих», а также оппонентов демократии, Манн выделил заинтересованных в оформлении «ограниченной демократии» – буржуазию. В разных формулировках неоднократно он говорил о желании буржуазии, стремящейся укрепить свои политические и экономические позиции, заручиться поддержкой молодежи, настроенной негативно по отношению к республике. Оратор предостерегал собравшихся от опасности попасть под подобное антидемократическое влияние буржуазии:

«Студенчество! Буржуазия вторгается в ряды академической молодежи!», «Молодежь и буржуазия, ваше противостояние республике, демократии – словобоязнь, да, вы упрямитесь и боитесь этих слов как беспокойные лошади, суеверная нервозность теснит ваш разум» [6, с. 501, 504].

Уже в первые годы существования Веймарской республики Манн стремился смотреть на демократию как на многоаспектную проблему. Размышляя над идейными истоками немецкой демократии, он подчеркнул родство демократических и гуманистических ценностей. Писатель считал, что в немецких национальных традициях есть такие, которые вряд ли будут содействовать упрочению Веймарской республики – немецкая философия, которая никогда не была «политической», традиционная прочность социальных позиции юнкерства («феодализм») и церкви.

В 1918–1923 гг. Манн сформулировал свои представления о социальной базе Веймарской республики. Все немецкое общество он разделил на три идейных лагеря – «сомневающиеся» в перспективах и жизнестойкости немецкой республики, ее оппонентов, а также сторонников развития «ограниченной демократии». Он отмечал подвижность, изменчивость всех выделенных групп. Писателя волновал процесс пополнения числа «сомневающихся» за счет некогда приветствующих республику. На примере характеристики отношения к немецкой демократии молодежи, Манн пришел к выводу о наличии в любой социальной группе всей палитры отношений к республике: от искренних симпатий до оппонирования к ней. Наиболее категорично писатель высказывался о «демократических» настроениях немецкой буржуазии, полагая, что она, если не выступает открыто против республиканизации Германии, то, по крайней мере, заинтересована в «ограниченной демократии». Опасность буржуазии, не поддерживающей глубокую демократизацию немецкого общества, Т. Манн видел и в стремлении повлиять на настроения немецкой молодежи.

Таким образом, социально-политическая реальность Германии после Первой мировой войны стала фактором, побудившим Т. Манна к уточнению его воззрений на демократию, критическому осмыслению национальных исторических и культурных традиций, учету возникавших рисков и поиску места гуманистических ценностей в формировании демократических настроений немецкого общества.

Список литературы

1. Манн Т. Мир во всем мире? // Манн Г., Манн Т. Эпоха. Жизнь. Творчество: Переписка, статьи / пер. с нем. С. Апта; сост., авт. предисл. и коммент. Г. Н. Знаменская. – М.: Прогресс, 1988. – С. 161–163.
2. Манн Т. Размышления аполитичного человека // Манн. Т. Аристократия духа. Сборник очерков, статей и эссе / пер. с нем. С. Апта, В. Бакусева и др. – М.: Культурная революция, 2009. – С. 60–69.

3. Томас Манн – Генриху Манну. Мюнхен, 27.02.1904 // Манн Г., Манн Т. Эпоха. Жизнь. Творчество: Переписка, статьи / пер. с нем. С. Апта; сост., авт. предисл. и коммент. Г. Н. Знаменская. – М.: Прогресс, 1988. – С. 71–75.

4. Томас Манн – Курту Мартенсу. Мюнхен, 11.01.1910 // Манн Г., Манн Т. Эпоха. Жизнь. Творчество: Переписка, статьи / пер. с нем. С. Апта; сост., авт. предисл. и коммент. Г. Н. Знаменская. – М.: Прогресс, 1988.

5. Томас Манн – Иде Бой-Эд. Мюнхен, 5.12.1922 // Манн Т. Письма / под ред. С. Апта. – М.: Наука, 1975. – С. 32–33.

6. Mann Th. Von Deutscher Republik // Mann Th. Gesammelte Werke in zwolf Banden. Band XII. Zeit und Werk. – Berlin, 1955.

7. T. Mann an F. Endres, Munchen, 19.06.1918 // Mann Th. Briefe 1889–1936. – FaM, 1961.

Статья поступила: 27.06.2019. Принята к печати: 19.08.2019